

Вопрос об «инородцах» в социокультурной концепции евразийства

Научный руководитель – Губман Борис Львович

Павлов Павел Александрович

Аспирант

Тверской государственной университет, Тверь, Россия

E-mail: pavloffpavel@yandex.ru

В современной России немалое внимание уделяется наследию русских мыслителей, критиковавших классическую парадигму Просвещения с целью заявить о самобытности развития русского государства в полемике со сторонниками европоцентризма. В творчестве этих авторов ищут теоретические основания для принятия концепций поливариантного развития общества, множественности культур, нелинейности прогресса. Подобные идеи в России, перекликавшиеся с европейским консерватизмом и контрпросвещением, развиваясь, образовали самостоятельную традицию. Особого внимания заслуживает в данной связи постановка проблемы социокультурного развития в философии истории евразийства.

Одно из важнейших противоречий внутри евразийства - отношение к «инородцам» внутри России. Ещё в брошюре «Европа и человечество» 1920 года Н.С. Трубецкой заявляет о равноценности и качественной несоизмеримости культур, отрицая существование неисторических народов в гегелевском духе, неспособных к построению государственности и годных для истории лишь в качестве этнографического материала, при этом он не даёт какой-либо многоуровневой классификации культурно-исторических типов, из чего можно сделать вывод, что даже самые «малые» народы могли, по его мнению, обладать собственной культурой [6]. Первая попытка корректировки плюрализма «Европы и человечества» была предпринята П.Н. Савицким. В 1921 году в статье «Европа и Евразия» он упрекает Трубецкого в призыве к признанию равноценности и несоизмеримости всех народов и культур и полному отрицанию понятия прогресса и всяких попыток градации человеческих обществ по ступеням развития. По его мнению, равноценность народов возможна в сфере духовной (сфере «идеологии» на языке статьи), в то время как в области материальной - в науке и техническом (военном и промышленном) развитии существует как прогресс так и градация по ступеням развития [1]. Заявляя о России-Евразии как особом срединном «мире», Савицкий не высказывается определённо о его генезисе, особой роли славянских племён и православия, более того, не затрагивает вопросов религии и признаёт вклад «инородцев» в общее дело становления русской культуры и государственности. Однако на вопрос о возможной смене романо-германского ига российским Савицкий отвечает: «народы Евразии не однохарактерны друг другу; их культурные потенции различны, и, например, то, что может относиться к тунгусам, не относится к башкирам и киргизам, а тем более к туркам и персам. Жизнь жестока, и на слабейших народах Евразии может тяготеть российское иго, однохарактерное игу романо-германскому» [1]. Таким образом, признавая влияние инородцев в прошлом и их значение в настоящем, мыслитель вовсе не обещает им непререкаемой самостоятельности и равенства в будущем, хотя и пишет о том, что «Евразия есть область некоторой равноправности и некоторого «братания» наций, не имеющего никаких аналогий в международных соотношениях колониальных империй» [1]. Поскольку границу «среднего мира» с Азией Савицкий и, следом за ним, евразийцы в целом отождествляют с государственной границей России с признанием возможной дальнейшей экспансии, имеет смысл объединить вопрос об «инородцах» с

вопросом о прочих азиатских народах, ведь гипотетическая экспансия «срединного мира» могла включить вторых в число первых.

В своих ранних статьях Савицкий выступает скорее как экономист, нежели как идеолог, понимая Россию-Евразию как «экономически-географическую сферу». Предрекая поглощение Россией некоторых областей Китая или Персии в статье «Континент-Океан» [2], он не делает далеко идущих выводов об идеологическом или религиозном будущем этих территорий, как и уже входящих в состав России областей, населённых преимущественно иноверцами, как например, Туркестана. Более того, превознесение религиозной терпимости державы, созданной Чингисханом, начинающееся со статьи «Степь и оседлость» [4], даёт возможность предположить, что именно к религиозному плюрализму евразийцы пытались подвести своих читателей. Однако это впечатление обманчиво. Уже в первых сборниках собственно евразийская риторика смешивается с русским национализмом и утверждением о православии как единственной истинной религии. В статье «Религии Индии и христианство» Трубецкой призывает не понимать «поворот к Востоку» как призыв к принятию одной из восточных религий или синтеза с ней православия. Однако возможность такого синтеза он отрицает в связи с тем, что «значительная часть, даже большинство мистических откровений, полученных религиозными вождями разных народов земного шара, имеют сатанинское происхождение» [8]. Дав различного рода отрицательные характеристики исламу и религиям Китая, Трубецкой особо останавливается на религиях Индии и заявляет в итоге своего исследования: «с христианской точки зрения Индия есть самая прочная цитадель сатаны» [8]. Далее он отвергает католицизм с его «сатанинским соблазном земного владычества», и протестантов с их «соблазном гордости человеческого ума и бунтом против авторитета», и как итог: «ни на какие иные религии, в которых явно или скрыто веет дух сатаны, мы своей веры променять не должны и не можем» [8]. Кроме того, в статье «Вавилонская башня и смешение языков» Трубецкой заявляет, что христианство, в отличие от других религий, не есть «продукт определенных историко-культурных условий», оно богооткровенно, а потому единственная истинная религия [5]. Естественно, не следует путать призыв к синтезу религий с признанием их равноценности, однако, стремясь избежать обвинения в первом, Трубецкой в своей статье однозначно отрекается и от второго. Противопоставляя православие прочим религиям как «ложным» и, более того, «бесовским», Трубецкой ставит себя и евразийство в целом в сложное положение: если «поворот к Востоку» необходим для борьбы против Запада, то каким должен быть этот поворот для того, чтобы инородцы с их «бесовскими» религиями и культурами, возникшими под влиянием этих религий, не навредили русской культуре и православной вере более, чем веяния с Запада. То, что сказано о религиях Индии вполне может быть экстраполировано и на традиционные верования народов России, заявления о православии как единственной истинной религии являются серьёзным препятствием к диалогу между народами России-Евразии. Противоречия можно было бы избежать через призыв к обращению «инородцев» в православие, в том числе принудительному, но тот же Трубецкой, напротив, осуждает направленную на это русификаторскую политику в Российской Империи [7]. Кроме того, евразийство нераздельно с идеей о великом будущем России-Евразии как «о периоде славяно-монгольском, славяно-туранском или - уже - русско-монгольском, русско-туранском», поскольку «стихия российская, в своем духовном бытии, пребывает на пересечении западноевропейской традиции с традициями старого, «доевропейского» Востока» [3]. Всё это позволяет предположить, что однозначного ответа на первостепенный вопрос об «инородцах» и иноверцах евразийство не выработало, не сумев разрешить противоречие между лежавшим в основании евразийского учения положения

о нелинейности и поливариантности развития человеческой культуры и религиозными взглядами, разделяемыми участниками движения.

Источники и литература

- 1) Савицкий П.Н. Европа и Евразия // Избранное. М., 2010.
- 2) Савицкий П.Н. Континент-Океан : (Россия и мировой рынок) // Избранное. М., 2010.
- 3) Савицкий П.Н. Миграция культуры // Избранное. М., 2010.
- 4) Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Избранное. М., 2010.
- 5) Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // История. Культура. Язык. М., 1995.
- 6) Трубецкой Н.С. Европа и человечество // История. Культура. Язык. М., 1995
- 7) Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // История. Культура. Язык. М., 1995.
- 8) Трубецкой Н.С. Религии Индии и христианство // История. Культура. Язык. М., 1995.